

Lemke, Michael Konstantinowitsch (1872 - 1923), Stabskapitän, Historiker. "250 Tage im Generalstab des Zaren" (25. Sept. 1915 - 2. Juli 1916). Petersburg (=Petrograd), 1920.

6888

МИХ. ЛЕМКЕ

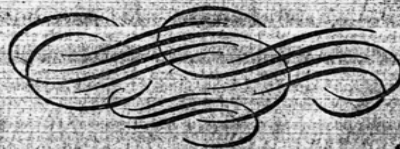
189 947

6888

453 57-44

250 ДНЕЙ ВЪ ЦАРСКОЙ СШАВКЪ

(25 сент. 1915 - 2 июля 1916)

БИБЛИОТЕКА
МОСК. ГЛ. АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТ. ДѢЛЪ
ОТДѢЛЪ № 203

Государственное Издательство
Петербургъ - 1920

дивъ другой, составленный въ штабѣ VII арміи; это воззваніе подписано: „Штабъ русскихъ войскъ“. 13-го Алексѣевъ телеграфировалъ ему о своемъ согласіи на распространеніе воззванія въ Болгаріи разными способами и частью черезъ румынъ.

17, вторникъ.

Сегодня съѣхались главные начальники снабженій, главные начальники медицинской части на фронтахъ и представители фронтowychъ желѣзныхъ дорогъ для совѣщанія объ эвакуаціи раненныхъ. Видѣлъ ген. Николая Александровича Данилова, называемаго, въ отличіе отъ чернаго Ю. Н. Данилова, „рыжимъ“, — постарѣлъ, потолстѣлъ. Я помню его капитаномъ л.-гв. Московскаго полка, только-что блестяще окончившимъ академію генеральнаго штаба и, ради заработка въ 300—400 рублей, половину лѣта преподававшего намъ, юнкерамъ Константиновскаго военнаго училища, съемку въ Красномъ-Селѣ въ 1892 г. Тогда онъ произвелъ на всѣхъ насъ чарующее впечатлѣніе своей манерой держаться, интересными разсказами изъ военной исторіи и удивительной ясностью пониманія дѣла. Въ 1911 г. я встрѣтилъ его въ театрѣ уже послѣ блестящаго промежутка службы—генералъ-лейтенантомъ, начальникомъ канцеляріи военнаго министра. Когда началась война, онъ самъ попросился на дѣло—ему дали снабженіе Сѣверо-Запад. фронта; незадолго до увольненія Ягупкевича предполагалось назначить его главнымъ начальникомъ снабженія всей арміи. Управление снабженіемъ Западнаго фронта недавно переведено изъ Смоленска въ Минскъ, гдѣ штабы фронта II и X армій. Онъ не мало способствовалъ удаленію ген. Ренненкампа.

× Будучи командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка, Павелъ-Георгъ Карловичъ Эдлеръ-фонъ-Ренненкампа былъ изобличенъ въ близости къ казенному сундуку. Командовавшій войсками кievскаго округа Драгомировъ предложилъ ему убраться; убрался въ Сибирь. Тамъ Ренненкампа сталъ извѣстенъ въ китайскую войну, потомъ въ японскую и, наконецъ, получилъ корпусъ. Его карьеру считали конченной. Но въ его корпусъ входилъ Смоленскій драг. полкъ, а имъ командовалъ кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, человекъ со связями при дворѣ. Ренненкампа началъ всячески расхваливать князя въ приказахъ. Князь расплатился щедро: Ренненкампа получилъ виленскій военный округъ, которымъ и командовалъ до войны, получивъ затѣмъ I армію. Лестнымъ именемъ его не называютъ.

— Зенитныхъ батарей для обстрѣла воздушнаго флота у насъ нѣтъ совсѣмъ. Въ Минскѣ стоитъ батарея Терновскаго, могущая стрѣлять по аэропланамъ подъ угломъ 65°, не выше.

— Царь уѣхалъ на Западный фронтъ, гдѣ еще не былъ.

— Беспроволочный телеграфъ у насъ все еще не дѣло, серьезно на него никто не полагается; пока около него только кормятся военные инженеры.

— Чего только не возложили въ тылу на губернска и

уѣздныя присутствія по министерству земледѣлія: и дѣла Татианинскаго комитета, и урегулированіе движенія бѣженцевъ, и скучку у нихъ, выкормку и продажу скота мѣстному населенію, и пр. и пр. И все это такъ, вдругъ, безъ всякой предварительной подготовки и разработки въ мирное время. Все это еще и еще показываетъ, что до войны тылъ никѣмъ не былъ затронутъ, онъ никого не заботилъ, ни Сухомлинова, ни Рухлова, ни Коковцева, ни Маклакова, ни Куропаткина, ни Бѣляева, ни Жилинскаго... Вотъ предатели и преступники!

18, среда.

— Самый главный вопросъ вчерашняго совѣщанія начальниковъ снабженія и др. по эвакуаціи раненныхъ—необходимость измѣнить порядокъ передвиженія санитарныхъ поѣздовъ. Сразу же пришли къ заключенію, что это дѣло поставлено все еще ненадлежаще; пришлось, однако, констатировать, что на Западномъ фронтѣ у Данилова порядокъ, вообще, большій или лучший, потому что онъ ведетъ себя самостоятельно; вчера, напримѣръ, онъ заявилъ, что не можетъ подчиниться всему, что, повидимому, будетъ выработано совѣщаніемъ, такъ какъ считаетъ кое-что нецѣлесообразнымъ. Онъ же поднялъ вопросъ, котораго никто не смѣлъ коснуться, но которій, оказывается, всѣхъ давно волнуетъ,—объ именныхъ санитарныхъ поѣздахъ, т. е. содержимыхъ высочайшими особами и нѣсколькими очень богатыми людьми. Такихъ поѣздовъ во всей арміи 18; всѣ они отлично устроены въ смыслѣ комфорта и роскоши обстановки, но съ точки зрѣнія желѣзнодорожной, и притомъ эвакуаціонной, т. е. вывозной, мало удовлетворительны: очень тяжелы, требуютъ двухъ паровозовъ, а поднимаютъ раненныхъ вдвое меньше обыкновенныхъ санитарныхъ поѣздовъ, потому что очень неэкономны съ мѣстомъ: каждая сестра имѣетъ купе и т. д. Главное, что нервируетъ всѣхъ не военныхъ, это полное нежеланіе завѣдующихъ поѣздами считаться съ графикомъ и правилами движенія; эти привилегированные поѣзда требуютъ себѣ пропуска всегда и всюду, значительно нарушаютъ правильность движенія вообще. Когда одинъ завѣдующій передвиженіемъ войскъ попробовалъ не исполнить требованія кн. Щербатовой, то получилъ за это нагоняй. Теперь въ совѣщаніи рѣшено, пользуясь поддержкой принца Ольденбургскаго, представить царю правила, которыя будутъ уже обязательными для именныхъ санитарныхъ поѣздовъ. Съ точки зрѣнія военной, это тоже возмутительныя учрежденія. Наполненные высокопоставленными хозяевами и ихъ приживалами, блочками-сестрами и выслуживающимися врачами, они прежде всего не принимаютъ тяжело раненныхъ, предоставляя возню съ ними и ихъ трупами въ дорогѣ обыкновеннымъ поѣздамъ. Затѣмъ, почти всѣ эти поѣзда обслуживаютъ гвардію и поэтому скопляются тамъ, гдѣ дерутся ея части, не берутъ съ ранами ниже пояса, чтобы не нарушить pudeur своихъ сестеръ и сидѣлокъ... и т. д. Кн. Щербатова, какъ и другіе, пошла на это дѣло, думая,

женію военныхъ властей, имущества, непременно составлялись бы требуемые закономъ акты; 3) населеніе при отсутствіи крайней необходимости не выселялось бы принудительно и не лишалось бы необходимыхъ запасовъ продовольствія; 4) лицамъ, добровольно покидающимъ свой кровъ, облегчалась бы возможность выбора временнаго мѣстожительства; 5) члены одной семьи не расселялись бы по различнымъ пунктамъ. Объявляя о такомъ пожеланіи, выраженномъ Г. Совѣтомъ, предписываю всѣмъ войскамъ ввѣренной мнѣ арміи вышеизложенное принять къ руководству и исполненію“.

Но было поздно: въ районѣ III арміи все уже было выметено или смертью или ужасомъ бѣгства поневоли. Бѣженцы и выгонцы были далеко за предѣлами территоріи арміи...

— Это все одна сторона жизни и нашей неподготовленности понимать интересы населенія.

Въ бѣженствѣ и выгонствѣ не малую роль сыграло еще и мародерство, позорное явленіе, сопровождающее каждую войну и каждую войну обнаруживающее отсутствіе надлежащаго внутренняго воспитанія арміи и духовной дисциплины. Да они и невозможны тамъ, гдѣ казенное является принадлежностью всѣхъ, гдѣ ворующіе генералы и офицеры не имѣютъ права твердо, съ открытымъ сердцемъ всѣми способами добиваться неприкосновенности не своего и воспитать людей въ уваженіи чужой собственности.

Перечитывая приказы по всѣмъ нашимъ арміямъ за все время войны, особенно же за 1915 годъ, то и дѣло видишь указанія на мародерство, грабежи, реквизиціи безъ денегъ, уничтоженіе, поджоги... Какой-то кошмаръ овладѣваетъ при этомъ чтеніи.

Приказъ главнокомандующаго Сѣв.-Зап. фронтомъ Жилинскаго отъ 5 августа 1914 г.: „при занятіи нѣмецкихъ городовъ брать отъ 6 до 10 заложниковъ изъ числа обывателей (исключительно нѣмецкаго происхожденія); кромѣ того, брать съ нихъ контрибуцію въ размѣрѣ по усмотрѣнію командировъ корпусовъ для уплаты впослѣдствіи пострадавшимъ отъ нѣмецкихъ звѣрствъ въ нашихъ городахъ. Контрибуцію раскладывать только на нѣмецкое населеніе, а не на польское. О размѣрахъ наложенной контрибуціи командирамъ корпусовъ каждый разъ доносить командующимъ арміями, а также и о томъ, насколько она выполнена. Деньги надлежитъ сдавать подъ квитанцію въ полевые казначейства“. Казалось бы, въ обстановкѣ войны, это не такъ еще плохо. А что вышло...

Главнокомандующій Сѣв.-Зап. фронтомъ неоднократно предписывалъ „принять рѣшительныя и дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію и прекращенію расхищенія у жителей имущества и домашней движимости, а также отобранія скота и кормовъ безъ оплаты таковыхъ“ (наприм., №№ 215, 223, 286 за 1914 г.).

„Предупреждаю,—писалъ Самсоновъ по II арміи,—что я не допускаю никакихъ насилій надъ жителями. За все то, что бе-

рется отъ населенія, должно быть полностью и справедливо уплачено“ (25 іюля 1914 г.).

Черезъ десять дней Самсоновъ снова пишетъ: „Государь императоръ призвалъ насъ на защиту родныхъ намъ по крови славянъ. Поэтому всѣ чины арміи должны помнить, что гдѣ бы ни находилась наша армія—въ предѣлахъ ли нашей родины или въ непріятельской странѣ—славянское населеніе и его имущество должно быть свято для русскихъ войскъ. Особенно же это относится къ полякамъ, съ полной преданностью нашей родинѣ ставшимъ грудью за общеславянское дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ помнить, что русскія войска воюютъ лишь съ вооруженными силами непріятеля; мирное же его населеніе, не причиняющее намъ вреда, равно какъ и его имущество, должны быть неприкосновенны“ (4 августа 1914 г.).

25 сентября 1914 г. главнокомандующій Сѣв.-Зап. фронтомъ „герой“ Рузскій приказалъ „скотъ, подводы, лошадей, фуражъ, вообще все необходимое нашимъ войскамъ у жителей непріятельской страны отбирать за деньги или квитанціи, а при сопротивленіи производить экзекуціи“. Разумѣется, съ нашей культурой поляки оказались въ рядахъ непріятеля...

„Въ послѣднее время,—приказывалъ ген. Лешъ по III арміи,—въ районѣ расположенія частей ввѣренной мнѣ арміи стали наблюдаться случаи появленія въ селеніяхъ казаковъ и др. нижнихъ чиновъ, отдающихъ самовольно приказанія жителямъ выселяться изъ деревень, поджигающихъ усадьбы, производящихъ поправки и забирающихъ бесплатно сѣно, клеверъ, овесъ и т. п. (Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ: въ имѣніи Реювицъ обозные и хлѣбопеки „выпустили воду изъ 13 искусственныхъ прудовъ, выловили рыбу, лошадьми и скотомъ выпасли клеверъ и траву на 500 моргахъ, вытоптали во многихъ мѣстахъ овесъ и другіе хлѣба“). „Нельзя забывать,—заканчивалъ ген. Лешъ,—что въ настоящее время мы находимся на русской территоріи, населенной русскими людьми“ (Холмъ, 2 іюля 1915 г.).

Вел. кн. Николай Николаевичъ приказомъ отъ 26 іюня 1915 г. повелѣлъ строжайше наказывать за всѣ подобныя поступки „до смертной казни включительно“.

Реннекампфъ вѣшалъ солдатъ, грозилъ, что и „впредь такъ будетъ поступлено съ каждымъ, кто будетъ заниматься мародерствомъ“ (7 августа 1914 г.), разстрѣливалъ мародеровъ въ присутствіи всего гарнизона (10 августа 1914 г.),—но такъ ничего добиться и не могъ... Всѣ эти мѣры скользяли по верхамъ, а въ глубинѣ арміи сидѣлъ воръ и насильникъ.

Каплей, переполнившей чашу терпѣнія вел. кн. Николая Николаевича, былъ дикій разгромъ. 26 іюля летитъ телеграмма нач. штаба Верховнаго главнокомандующимъ фронтами. „Владѣлецъ Берестечка Дубенскаго у. Волынской губ. графъ Рацыбе-ровскій заявилъ жалобу на уничтоженіе войсками звѣринца безъ всякой надобности для военныхъ цѣлей. Верховный, въ виду непрекращающихся случаевъ безцѣльнаго разгрома имѣній, по-

смотря на мои неоднократныя напоминанія, *войска все еще продолжают шить въ темную*. Начальствующія лица все еще относятся *крайне небрежно* къ вопросу объ ориентированіи своихъ подчиненныхъ въ положеніи дѣлъ. Такъ, напр., одинъ офицеръ на вопросъ, куда мы идемъ, отвѣчалъ, что, по его свѣдѣніямъ, наступаютъ какіе-то 12 германскихъ корпусовъ, а потому мы должны отходить. Другой случай: батарейный командиръ послалъ нѣсколько подводъ за хлѣбомъ, причемъ написалъ на клочкѣ бумаги, что подводы должны нагнать батарею въ какой-то дер. Дульцовка. Обозъ этотъ метался по дорогамъ, тщетно разыскивая деревню съ такимъ названіемъ и, Богъ знаетъ, когда и въ какомъ видѣ этотъ хлѣбъ дойдетъ до батареи. Встрѣтилъ нижняго чина, бродящаго по дорогѣ изъ Радомысля къ Дембицѣ, отыскивающаго свой полкъ—Новоингерманландскій. Его кто-то направилъ „туда“ (неопредѣленный жестъ рукой на югъ), и, очевидно, что онъ такимъ образомъ никогда не нашелъ бы свою часть. Видѣлъ нижнихъ чиновъ, удрученныхъ фактомъ отступления въ представленіи, что мы чуть ли не разбиты. Когда я имъ пояснилъ положеніе дѣлъ, люди сразу преобразились. Всѣ эти факты лучше всего рисуютъ, какъ небрежно относятся начальствующія лица къ вопросу объ ориентировкѣ. Еще разъ напоминаю и требую, чтобы всѣ чины были всегда ориентированы, сколько это необходимо, въ обстановкѣ, дабы каждый солдатъ зналъ, что онъ дѣлаетъ и зачѣмъ дѣлаетъ“.

„Несмотря на всѣ мои постоянныя требованія мирнаго времени относительно поддержанія связи и составленія донесеній, — писалъ командующій I арміей 16 сентября 1914 г. — *это важное дѣло поставлено совершенно невозможно*. Отъ всякихъ штабовъ, даже корпусныхъ, даже отъ командировъ корпусовъ поступаютъ донесенія, совершенно неудовлетворяющія элементарнымъ свѣдѣніямъ. Сегодня, при наступленіи послѣдъ боя, поступаютъ донесенія о занятіи своими войсками такихъ-то пунктовъ, но ни слова не говорится о противникѣ, вообще объ обстановкѣ, *какъ будто это односторонній маневръ безъ обозначеннаго противника*. Это вынуждаетъ меня напомнить всѣмъ подлѣ служебной отвѣтственностью болѣе обдуманное и внимательное составленіе донесеній. Даже высшіе начальники и ихъ штабы весьма часто не указываютъ мѣста и времени отправленія. Поэтому еще разъ приказываю въ началѣ текста въ телеграфныхъ донесеніяхъ писать мѣсто отправленія, затѣмъ число мѣсяца и часы, а только послѣ того текстъ донесенія“.

Послѣ этого совершенно азбучнаго приказа, который позаимствованъ просто изъ устава полевой службы, извѣстнаго порядочному взводному командиру, въ приказѣ по той же арміи отъ 22 октября 1914 г. находимъ весьма типичное судебное дѣло.

„На основаніи произведеннаго дознанія о дѣйствіяхъ чиновъ 56 дѣл. дивизіи въ бою 28—29 сентября с. г. и согласно съ заключеніемъ военнаго прокурора корпуснаго суда при 3 армейскомъ корпусѣ отъ 8 октября с. г., а также на основ. ст. ст. 1335, 1336,

1339, 1347 и 1368 кн. XXIV Св. В. П. 1869 г. изд. 4 въ редакціи приказа по В. В. 1914 г. № 464, вслѣдствіе резолюціи бывшаго командующаго I арміей ген.-ад. Ренненкампа, предаю корпусному суду при 3 армейскомъ корпусѣ:

„1) командира 3 бат. 222 пѣх. Красненскаго полка капитана Ивана Ивановича Сиполя по обвиненію въ томъ, что во время боя 28—29 сентября с. г. у Владиславова онъ, получивъ распоряженіе поддерживать связь между 53 и 56 пѣх. дивизіями, *связь между этими дивизіями не поддерживалъ*, хотя, по условіямъ боя, такая связь являлась завѣдомо для него необходимой, что предусмотрено ст. 254 кн. XXII Св. В. П. 1869 г. изд. 4;

„2) командира 222 пѣх. полка полковника Александра Брониславича Рудзскаго въ томъ, что тогда же и тамъ же, наступая съ полкомъ, согласно диспозиціи, отъ фольварка Котовицаны въ юго-западномъ направленіи, онъ не принялъ мѣръ предосторожности для защиты своего праваго фланга и продолжалъ движеніе, *не удостоверившись, имѣется ли въ наличіи связь его полка съ сосѣдней дивизіей* благодаря чему высочайше ввѣренный ему полкъ былъ съ фланга обойденъ противникомъ и потерпѣлъ сильный уронъ, что предусмотрено ч. 2 ст. 256 кн. XXII С. В. П. 1869 г. изд. 4;

„3) командира 224 пѣх. Юхновскаго полка полковника Мечислава Фаддеевича Рексимовича въ томъ, что тогда же и тамъ же, наступая съ полкомъ, согласно диспозиціи, къ юго-западу отъ ф. Котовицаны, онъ не принялъ необходимыхъ мѣръ для прикрытія своего лѣваго фланга и выдвинулся впередъ, *не удостоверившись, имѣется ли у него связь полка съ сосѣдними частями войскъ*, что предусмотрено ч. 1 ст. 256 кн. XXII С. В. П. 1869 г. изд. 4;

„4) командира 13 роты 223 п. Одоевского полка поручика Гиссака въ томъ, что въ томъ же бою, находясь 29 сентября въ прикрытіи 1-ой батареи 56 арт. бригады у дер. Гоберришкенъ, онъ *самовольно съ ротою ушелъ отъ этой батареи*, сознательно нарушивъ такимъ образомъ возложенную на него въ бою обязанность и не принявъ никакихъ мѣръ къ спасенію орудій этой батареи, что предусмотрено ст. 245 кн. XXII С. В. П. 1869 г.;

„5) командира 223 пѣх. Одоевского полка подполковника Алексѣя Александровича Бѣляева въ томъ, что въ томъ бою 29 сентября у дер. Гоберришкенъ онъ, видя обстановку боя и сознавая, что состоящая при ввѣренномъ ему полку 1-ая батарея 56 артилл. бригады можетъ быть захвачена неприятелемъ, *не принялъ надлежащихъ мѣръ для спасенія этихъ орудій*, благодаря чему орудія эти были захвачены противникомъ, что предусмотрено ст. 142 и 2 ч. ст. 145 кн. XXII С. В. П. 1869 г.“.

Разумѣется, всѣ указанныя чины понесли соотвѣтственныя наказанія, а дѣло не подвинулось ни на югу—связь надо умѣть поддерживать, а учиться этому въ бою уже поздно..

— Очень интересны свѣдѣнія о мѣрахъ борьбы союзниковъ

Военно-цензурные учреждения и лица твердо усвоили себя только три статьи „Положения“: о суточных (ст. 23), о штатах (ст. 16 и 18) и о произволѣ (ст. 31).

Теперь, послѣ анализа законодательныхъ и административныхъ актовъ, регулирующихъ постановку военной цензуры, я обращаюсь къ практикѣ жизни, разсмотрю, какъ они толковались, измѣнялись, дополнялись, систематически нарушались и отмѣнялись волею административной и военной власти, и къ чему все это привело къ началу января 1916 года, когда я закончилъ изученіе этого весьма важнаго и сложнаго вопроса.

Прежде, однако, замѣчу, что, какъ выяснилось въ думской комиссіи о печати, противъ чего не возражали и представители военнаго вѣдомства, „законъ 20 іюля нигдѣ на всемъ пространствѣ имперіи не примѣнялся ни въ одной изъ своихъ частей, хотя бы въ течение одного дня, одного часа; онъ явился какъ бы мертворожденнымъ“ (стенограф. отчетъ Г. Д., сессія 4-я, стр. 1007).

16 іюля 1917 г. былъ подписанъ указъ сенату о приведеніи на военное положеніе части арміи и флота. 17 іюля начальникъ генер. штаба ген. Янушкевичъ телеграфировалъ всѣмъ начальникамъ военныхъ округовъ: „Въ виду бывшаго въ одномъ округѣ случая, благоволите принять самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы отъ военныхъ властей, подъ угрозой карательныхъ мѣръ, не исходили никакія данныя для печати о ходѣ мобилизаци и дѣйствій войскъ. Необходимо строго руководствоваться „Перечнемъ“, опубликованнымъ въ „Собраніи узаконеній“ 12 іюля за № 170. Необходимо срочное распоряженіе, чтобы офицеры ни въ обществѣ, ни въ семьяхъ, ни въ письмахъ и телеграммахъ не вели бесѣдъ, не писали объ арміи и военныхъ дѣйствіяхъ, помня о чрезвычайной нравственной отвѣтственности передъ родиной. Виновные въ нарушеніи изложеннаго должны привлекаться къ самой строгой отвѣтственности до отрѣшенія отъ должности включительно“.

20 іюля вел. кн. Николай Николаевичъ былъ назначенъ Верховнымъ главнокомандующимъ, Янушкевичъ — начальникомъ его штаба.

Въ августѣ Янушкевичъ просилъ всѣхъ главнокомандующихъ арміями фронтовъ и начальниковъ воен. округовъ „совершенно прекратить выдачу всѣмъ войсковыми начальниками и штабами официальныхъ свѣдѣній какимъ бы то ни было органамъ печати“, такъ какъ печати будетъ сообщаться все, что надлежитъ штабомъ Верховнаго главнокомандующаго и главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба; исключеніе изъ этого общаго распоряженія сдѣлано почему-то для начальника цензурнаго отдѣленія штаба Юго-Запад. фронта подп. Геруа, которому разрѣшено сообщать печати неофициально нѣкоторыя подробности, не имѣющія большой важности, присылая ихъ въ коніи въ штабъ Верховнаго главнокомандующаго.

Тогда же нач. штаба Сѣв.-Запад. фронта ген. Орановскій сообщилъ арміямъ, что главнокомандующій фронтомъ Жилинскій строго приказалъ военной цензурѣ впредь не допускать къ отправкѣ съ театра военныхъ дѣйствій телеграммъ и корреспонденцій со свѣдѣніями не вполне достоверными, т. е., иначе говоря, дать ей право не пропускать ничего...

8 августа въ „Новомъ Времени“ извѣстіе о взятіи Гумбинена было помѣщено раньше, чѣмъ объ этомъ донесено было въ штабъ Верховнаго. Приказано было взыскать съ виновныхъ. Оказалось, что авторъ, членъ вилenskaго губернскаго правленія Киселевъ, узналъ объ этомъ событіи отъ жены командующаго арміей, ген. Ренненкампафа, чѣмъ объяснялся и пропускъ корреспонденціи виленскимъ военнымъ цензоромъ. 9 августа Янушкевичъ сообщилъ объ этомъ министру внутр. дѣлъ, указавъ, что „виновникъ подлечь ответственности, а при повтореніи къ нему будетъ примѣненъ со всей строгостью полевой судъ“. Разумѣется, министръ отвѣтилъ, что теперь это его не касается, такъ какъ военнаго цензора ему не подчинены.

15 августа генераль-квартирмейстеръ штаба Верховнаго Даниловъ просилъ главнокомандующихъ арміями фронтовъ не разрѣшать печатать о плохой отточкѣ нѣмцами своего холоднаго орудія, о высокихъ разрывахъ ихъ шрапнели и „о другихъ подробностяхъ, характеризующихъ неудовлетворительное использование ими своего орудія“.

26 августа старшій инспекторъ типографій въ Петроградѣ предписалъ типографіямъ, чтобы „на выпускаемыхъ ими въ свѣтъ изданіяхъ не помѣщались бы свѣдѣнія о томъ, что издавіе разрѣшено военной цензурой къ напечатанію и къмъ именно изъ военныхъ цензуровъ“.

Это распоряженіе формально не нарушало „Временнаго положенія о воен. цензурѣ“, но характерно, какъ желаніе скрыть отъ глазъ широкой публики институтъ предварительной цензуры.

27 августа 1-й оберъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба ген.-майоръ Монкевицъ обратилъ вниманіе ген.-квартирмейстера штаба Верховнаго Данилова на слабость цензуры въ штабахъ армій, на что получилъ въ отвѣтъ указаніе, что съ этимъ надлежитъ обратиться не въ штабъ Верховнаго, а къ Главной военно-цензурной комиссіи.

Это доказываетъ, какъ самъ предсѣдатель комиссіи, три года разсматривавшей проектъ Временнаго положенія о военной цензурѣ, мало понималъ основы новаго „закона“. Ген. Монкевицъ поступилъ совершенно правильно, такъ какъ зналъ, что Главная военно-цензурная комиссія не имѣла никакого отношенія къ цензурѣ на театрѣ воен. дѣйствій.

4 сентября штабъ Верховнаго просилъ главнокомандующихъ арміями фронтовъ и главныхъ начальниковъ воен. округовъ принять мѣры къ немедленному прекращенію печатанія корреспонденцій изъ дѣйствующей арміи и въ томъ числѣ совершенно

вопросах комфорта; оно-то способствует и „лжи“, ибо замѣняетъ дѣло бумагой.

„Надо рѣшительно покончить съ этой гидрой. Одна изъ дѣйствительныхъ мѣръ: частные выѣзды начальниковъ на позиціи, въ поле.

„5) Роскошь и эпикурейство должны быть вырваны съ корнемъ. Если „на войнѣ“ можно вставать въ 11 часовъ утра, ѣсть и пить, какъ на праздникѣ, и до поздней ночи играть въ карты, то это—не война, а развратъ. Значить, что у нихъ много свободного времени, много празднаго народа, много излишества, много денегъ и мало настоящаго дѣла.

„6) Обозы штабовъ и частей войскъ надо сократить въ 3—5 разъ. Опять по личному опыту знаю, что это возможно (я уменьшилъ обозъ одного изъ штабовъ корпусовъ въ 7 разъ), а жизнь, дѣло настойчиво этого требуетъ.

„7) Надо заставить всѣхъ военныхъ добросовѣстно заниматься дѣлами войны, а не... спекуляціями, наживами, наградами, высканиваніями въ „дамки“ безъ риска жизнью и даже безъ серьезнаго труда.

„Тогда не только не понадобятся все новые и новые „наборы“ и „реквизиціи“, сократившіе уже площадь *поствова* на 50%, но и съ фронта можно будетъ взять много празднаго люда для обрабатыванія *полей*, безъ чего Россія существовать не можетъ.

„Я знаю твердо, что армія наша нездорова и что поправить ее легко и скоро“.

Какъ мало согласуется это конфиденціальное письмо съ официальной телеграммой отъ 10 февраля... Таковы внѣшнія условія положенія Алексѣева и переживаемаго нами момента. Но зачѣмъ же онъ такъ себя поставилъ, что не въ силахъ совершить всѣхъ этихъ сокрушительныхъ реформъ? Вѣдь, надо же понять, что самый фактъ составленія этого письма есть приговоръ ему самому.

Каждому понятно, что безъ достаточно большого числа фактовъ сдержанный начальникъ штаба не позволилъ бы себѣ написать такое письмо официальному лицу; онъ лучше многихъ другихъ понимаетъ, какой, въ сущности отходной пахнетъ отъ него на всякаго, особенно невоеннаго, вдумчиваго человѣка. Я считаю интереснымъ привести нѣсколько иллюстрацій изъ дѣйствительности, чтобы подкрѣпить обоснованность этого знаменательнаго документа. Разумѣется, я привожу ихъ безъ всякаго выбора, просто тѣ, которыя могу почерпнуть изъ матеріаловъ, случайно сейчасъ лежащихъ у меня въ Бюро. Многое было иллюстрировано уже раньше.

— Изъ приказа по VIII арміи (ген. Брусилова) отъ 3 апрѣля 1915 г.: два баталіона одного полка, усиленные двумя баталіонами другихъ и поддержанные частями общаго резерва вели атаку, а командиръ полка *наблюдалъ* за дѣйствіями... Когда дивизія вела бой на фронтѣ четырехъ верстъ, ея начальникъ находился въ 8 верстахъ отъ мѣста боя,

гдѣ былъ и начальникъ бригады, которому были ввѣрены три полка...

— Изъ приказа по той же арміи отъ 29 іюля 1914 г.: „Мною замѣчено, что, вопреки положеній, въ нѣкоторыхъ частяхъ взято въ походъ по нѣсколько экипажей. Составъ обозовъ точно установленъ положеніемъ о нихъ и положеніемъ о пособіяхъ въ военное время, и я не допускаю въ составъ обозовъ ни одной лишней повозки, ни одного лишняго экипажа“.

Изъ приказа по III арміи отъ 21 сентября 1914 г.: „Мною замѣчено, что многіе младшіе чины арміи, не только офицерскаго званія, но даже и нижніе чины, нестроевые, обозные, фельдшера, коимъ, по положенію не положено ни упряжныхъ лошадей, ни экипажей, обзавелись разнаго рода выѣздами. Выѣзды эти загромаждаютъ не только обозы 2-го разряда, но много ихъ движется и въ обозѣ 1-го разряда“.

Изъ приказа по I арміи (ген. Ренненкампфъ) отъ 22 сентября 1914 г.: „Несмотря на мое категорическое требованіе не имѣть въ обозахъ разныхъ бричекъ и повозокъ, захваченныхъ въ Германіи, таковыхъ (въ 26 пѣх. дивизіи—*М. Л.*) было очень много. Три такіа повозки, въ томъ числѣ и повозка командира 103 пѣх. Петрозаводскаго полка полковника Алексѣева, были, по моему распоряженію, уничтожены“.

Изъ приказа по III арміи отъ 4 декабря 1914 г.: „Опять встрѣчаю въ обозахъ 1-го разряда экипажи, подчасъ роскошные и запряженные прекрасными лошадьми. На вопросъ: „чей экипажъ?“ получается обыкновенно отвѣтъ: „батарейнаго командира“. Полагаю, что если и признается возможнымъ въ военное время командирамъ батарей возить съ собой выѣздныя коляски, хотя я не знаю случая на войнѣ, когда дѣльный командиръ батареи можетъ сѣсть въ эту коляску, то я категорически запрещаю возить подобныя экипажи ближе обозовъ 2-го разряда и требую строго взыскивать съ виновныхъ въ неисполненіи этого требованія“.

— Въ своемъ письмѣ Алексѣевъ не указалъ многихъ острыхъ и хроническихъ болѣзней нашего военнаго организма, но одну изъ нихъ, я думаю, онъ просто забылъ подчеркнуть, а она имѣетъ тѣсную связь со всѣми имъ указанными,—боязнь начальниковъ принять на себя отвѣтственность за собственное распоряженіе. Этой болѣзней армія страдала всегда наряду со всей чиновничьей Россіей, она уже давно стала природно-хронической, принимая острую форму во время каждой войны. Это—результатъ всего нашего строя, это—такъ сказать, отрывка тѣхъ традицій, которыя формулируются окрикомъ „не разсуждать!“ и системой всякую неудачу свалить на подчиненнаго, а все хорошее приписать себѣ. Русскій чиновникъ и русскій военачальникъ воспитаны въ одной обстановкѣ, въ одномъ направленіи. Боязнь принять на себя что бы то ни было и желаніе свалить все на подчиненнаго или на высшаго привиты имъ съ дѣтства, съ подпоручичьяго чина.

— Эгерть отличается ужасным почеркомъ въ своихъ резолюціяхъ. Буквы сами по себѣ промазаны, но это—однѣ палки. Онъ иногда такъ увлѣкается, что не можетъ не опережать мысли своихъ палокъ, и на этой почвѣ протекать не только большаѣ потеря времени его подчиненныхъ на разборъ написаннаго, но и курьезы. Недавно онъ вклялся ни къ чему ни къ городу въ середину военной резолюціи слово „Марія“. Что такое? „Ахъ, я хотѣлъ написать „армія“!.

— Удалось узнать много интереснаго относительно нашего воздухоплавания. Мой собесѣдникъ—очень хорошо подготовленный офицеръ, не могъ говорить безъ крайняго волненія обо всемъ, что у насъ протекло въ этой области. Наша авіація еще и теперь въ младенческомъ состояніи. Мало кто видитъ ее и еще меньше кто получаетъ отъ нея действительную пользу. Все дѣло до войны было по-прежнему неправоугодно въ самомъ корнѣ. Это была спортивная организація, совершенно не изучавшая военную развѣдку, мало того—считавшая ее неважною и потому не нужною. Управление аппаратомъ и рекорды высоты и длины—вотъ и все. Соответственно съ этимъ подбирались конечно, и летчики. Это были спортсмены, искатели приключеній или новыхъ неизвѣданныхъ ощущеній, часто аферисты карьеры. Составъ офицеровъ самый разрошертный, очень мало культурный.—часто выгнанные изъ полковъ. Генеральный штабъ совершенно не обращалъ на авіацію никакого вниманія и несколько не заботился объ использовании ея въ практическомъ отношеніи, и понятно, что когда началась война, ровно никто не зналъ, что съ нею дѣлать. Никакой выучки, никакой программы. Учились конечно, у пѣльцевъ, но такъ, что и до сихъ поръ ничему не выучились.

Въ іюль 1914 г. войска вышли въ поле, не имѣя никакого понятія ни объ аппаратахъ, которые могли попасть имъ въ руки, ни о томъ, что они изъ себя представляютъ, на что пригодны, чего отъ нихъ можно ждать и т. д. Офицерскій составъ арміи проявилъ въ этомъ отношеніи преступное незнаніе азбукъ. Нечего было удивляться, что въ теченіе всего перваго года войны наши войска обстрѣливали собственные аппараты. Во всей арміи не было ни одного азбучнаго руководства для пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, по которому можно было наладить это ознакомленіе хоть какъ-нибудь. Ясно, что приходилось отдавать приказы въ родѣ слѣдующаго, даннаго по I арміи Рейненкампомъ:

„Въ армію прибыли новые быстроходные аэропланы, по фигурѣ весьма похожіе на нѣмецкіе, безъ всякихъ отличительныхъ знаковъ. Принимая во вниманіе, что при такихъ условіяхъ отличить нашъ аэропланъ отъ нѣмецкаго *невозможно*, строжайше воспрещаю, подъ страхомъ немедленнаго разстрѣла, какую бы то ни было стрѣльбу по аэропланамъ. Всѣхъ виновныхъ въ стрѣльбѣ по аэропланамъ, не обращая вниманія на его званіе, прикажу разстрѣливать на мѣстѣ преступленія. при невозможности же выяснить, кто первый открылъ огонь,—разстрѣлать всю команду.

Приказъ этотъ прочесть и объявить буквально всѣмъ чинамъ арміи. Въ цѣляхъ собственнаго скртія отъ взоровъ съ непріятельскихъ аэроплановъ слѣдуетъ при появленіи аэроплана прижаться къ лѣсу, прятаться въ дома, при движеніи—останавливаться, ложиться на землю; при необходимости ставить палатки—располагать таковыя во дворахъ, въ садахъ, въ лѣсу; орудія, пулеметы, зарядные ящики, повозки—маскировать, закрывая ихъ сверху вѣтвями“ (17 сентября 1914 г.).. Пожалуй, одного этого приказа достаточно, чтобы французы разстрѣляли самого такого командующаго арміей въ моментъ его подписанія. Развѣ это не государственная измѣна?

Конецъ приказа былъ подсказанъ уже опытомъ стоившимъ всей нашей арміи многихъ тысячъ жертвъ. Ни въ уставѣ полевой службы, нигдѣ подобнахъ указаній въ мирное время дано не было—генеральный штабъ не удостоился, его отдѣлъ обученія войскъ продолжалъ рисовать биваки въ мѣлочку схемами, которыя были умѣтны развѣ только въ турецкую кампанію.

„Еще въ началѣ войны указывалъ—читаю въ приказѣ Брусилева по VIII арміи отъ 29 мая 1915 г.,—какъ надо располагаться на отдыхъ, чтобы не быть замѣченными воздушными развѣдчиками.

Между тѣмъ, попрежнему войсковыя части, и въ особенности пѣхота и обозы, продолжаютъ становиться, строго придерживаясь уставныхъ формъ, квадратиками, безъ всякаго примѣненія къ мѣтности. Требую со смысломъ располагаться на бивакъ, укрывая повозки подъ деревья, заборы или строения, а въ случаѣ невозможности, маскируя отдѣльныя повозки вѣтвями, сѣнками сѣна и т. п. Конюшій разбивать по опушкамъ или внутри рощъ, людей располагать по дворамъ или палатками, но разредоточено, преимущественно въ лѣскахъ. При совершеніи маршей пѣхота должна, завидя аэропланъ, немедленно сворачивать на обочины, останавливаться и даже ложиться, пока не пролетитъ аэропланъ,—словомъ, всячески стараться затруднить развѣдку летчикамъ прогнаника... Надо придерживаться устава не какъ слѣпой стѣны; начальникамъ вдумчиво относиться къ своимъ обязанностямъ и, учитывая *новый народившійся* факторъ—воздушную развѣдку—приложить всѣ старанія, чтобы затруднить таковую“.

А этотъ „новый факторъ“ родился ужъ совсѣмъ вѣдь еще за пять лѣтъ до войны, и наши военные агенты неоднократно предостерегали генеральный штабъ о томъ, что будетъ сыпаться на голову войскъ, кромѣ снѣга и дождя. Но развѣ нашъ генеральный штабъ можетъ такъ снѣжить? развѣ снѣжка соответствовала бы его достоинству и престижу? Послѣ того было сдѣлано нѣсколько изданій полевого устава и ни въ одномъ онъ не обмѣнялся ни звукомъ. И это не государственная измѣна?

Спусти два мѣсяца войны, за которые мы потеряли болѣе 400,000 нижнихъ чиновъ, войска сами пошла, наконецъ, то, о чемъ опять-таки въ мирное время наши военные агенты доно-

В архив штаба хранится ненапечатанная корреспонденция, присланная въ „Новое Время“ въ октябрѣ 1914 г.: „Прошу извинить за непрошенное вмѣшательство, но въ народѣ идетъ молва, что у генерала Ренненкампа есть родственники въ Германіи, въ каковыхъ условіяхъ всякая неудача можетъ получить въ глазахъ населенія объясненіе, можетъ быть, и несправедливое по отношенію къ генералу, преданному Россіи (напр., потеря надлежащаго спокойствія во время развертыванія военныхъ операцій), но разъ эти разговоры я слышу отъ простонародья и солдатъ (лица съ высшимъ образованіемъ тоже въ этомъ грѣшны) на нихъ нельзя не обратить вниманія просто изъ-за поддержанія настроенія или же слѣдовало бы выяснитъ дѣйствительную пользу и невозможность замѣнить Ренненкампа. Въ Японіи онъ воевалъ съ другой національностью, и тамъ возраженія, конечно, были неумѣстны. Основаніемъ этихъ разговоровъ служатъ, между прочимъ, слухи о ни съ чѣмъ несообразныхъ нашихъ потеряхъ на фронтѣ Восточной Пруссіи“.

А съ другой стороны этотъ „доблестный герой“ былъ недавно принятъ Александрой Федоровной въ Царскомъ-Селѣ; аудіенція продолжалась болѣе получаса... Свой своему поневоле братъ.

— Телеграмма, принятая сейчасъ изъ Петрограда нашей аппаратной: „Государю императору. Славно бо прославился у насъ Тобольскѣ новоявленный святитель Іоаннъ Максимовичъ, бытіе его возлюбилъ домъ во славу и не уменьшитъ его Вашъ и съ Вами любить архіепископство, пушай тамъ будетъ онъ. *Григорій Новыхъ*“... Это — фамилія Распутина. За все время пребыванія царя въ Ставкѣ первая телеграмма Гришки. Списана мною буквально послѣ особой контрольной въ Спб. провѣрки.

— Сгибающийся подъ угломъ въ 90 град. Генрихсенъ назначенъ, наконецъ, управляющимъ Риго-Орловской жел. дорогой.

5, четверг.

Сегодня днемъ пріѣхала императрица Александра Федоровна со всѣми дѣтьми. Чай пили въ вагонѣ (царь завтракалъ у себя дома), потомъ безъ наследника поѣхали въ церковь ко всенощной, оттуда всѣ къ царю на обѣдъ, на который Алексѣевъ и наши приглашены не были. Завтра наше представленіе Николаю по случаю его рожденія.

— Церковная служба придворнаго чина продолжается 1 час. 15 мин. Царь не любитъ концертнаго пѣнія и потому при немъ поютъ все самое обыкновенное.

— Рузскій въ понедѣльникъ на Оминой былъ у царя, но пріемъ получилъ довольно сухой.

— Сегодня пріѣхалъ сюда корреспондентъ „Русскаго Слова“ Всеволодъ Владиміровичъ Филатовъ, чтобы повидаться со мной и поговорить о положеніи вопроса о земскомъ, о городскомъ союзѣ, о томъ, какъ это дѣло, такъ испаканенное штурмеровскими „записками“, поправить хоть бы посредствомъ печати; чтобы легализироваться, какъ корреспонденту Сѣвернаго фронта.

и, наконецъ, чтобы побесѣдовать съ Алексѣевымъ, котораго онъ никогда не видалъ.

Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе: очень живые глаза, симпатичное лицо; служить въ Красномъ Крестѣ, приписанъ къ отряду, изъ котораго уѣхалъ въ іюнь 1915 года—это нужно было для занятія какого-нибудь положенія, лишь бы не быть только корреспондентомъ. Хорошо знаетъ Гурко и Радко Дмитріева, котораго очень хвалитъ, особенно второго. Пишетъ большой романъ изъ жизни войны. Говоритъ, что, будучи гимназистомъ въ Орлѣ въ 1898 году, читалъ мои статьи въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ и на нихъ воспитался. На курсахъ гр. Паниной и въ народномъ университетѣ читалъ исторію; былъ на греческой и балканской войнѣ, а всю эту провелъ на фронтѣ.

Я ориентировалъ его въ начинающемъ сильно мѣняться взглядѣ военныхъ верховъ на земскій и городской союзы, а представленіе Алексѣеву устрою завтра. Рузскаго онъ считаетъ единственнымъ талантомъ, саморекламирование его отрицаетъ.

Оказывается, когда извѣстный шлиссельбуржецъ Н. А. Морозовъ поѣхалъ на войну отъ Земскаго союза, и объ этомъ кто-то оповѣстилъ въ правой печати, союзъ отрекся отъ него. Морозовъ, по чьему-то совѣту, отправился къ Рузскому. Тотъ принялъ его, сказалъ, что разрѣшаетъ свободное пребываніе на фронтѣ, просилъ не оставлять дѣла и за всѣмъ внимательно наблюдать... Я же указывалъ, что этотъ генералъ достаточно хитеръ.

Наше наступленіе Рузскій считаетъ невозможнымъ, развѣ только одновременное: у насъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и у Салоникъ.

Князь Львовъ любитъ рекламу, хлопочетъ о ней. Такъ, „Times“, узнавъ въ концѣ 1914 года, что онъ ведетъ свой дневникъ, и надѣясь на скорый конецъ войны, желалъ его купить, о чемъ просилъ Филатова похлопотать. Львовъ продать отказался, но обѣщалъ дать Филатову большое интервью, пожелавъ, чтобы тогда же былъ напечатанъ и его портретъ. Портретъ, однако, не появился, и князь былъ недоволенъ.

Гусарскій его величества полкъ праздновалъ какой-то праздникъ. Первый тостъ былъ за Николая Николаевича, потомъ за командира полка, потомъ уже за царя...

Офицерство фронта очень возмущенно говоритъ о Распутинѣ. Отзывъ Филатова о генеральномъ штабѣ, какъ и всѣхъ: чортово болото.

— Якоби продолжаетъ слѣдствіе. Царь сказалъ, чтобы при подозрѣніяхъ на большихъ лицъ его немедленно ставили въ извѣстность. Работа совершенно изолирована отъ военнаго вѣдомства. Якоби знаетъ только министра юстиціи.

6, пятница.

Послѣ обѣдни, начавшейся въ 10 часовъ утра, царь и вся его семья пріѣхали въ его домъ; мы всѣ собрались въ саду